

М.А. Фельдман

д.ист.н., профессор, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург)

ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В 1933–1937 гг.: МНОГОЛИКАЯ СУДЬБА

Аннотация. Статья посвящена оценке итогов выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Рассмотрена эволюция представлений о результатах выполнения второго пятилетнего плана. Сложность осмысления этой проблемы связана и сегодня с прочностью и длительностью существования мифологических характеристик советского Индустриального проекта, идеологизацией его достижений и сокрытия неудач. На основе сопоставления опубликованных и неопубликованных данных сделан вывод о том, что из 27 важнейших видов продукции пятилетние задания были выполнены только по трём (сталь, марганцевая руда и синтетический каучук). Систематизированы данные о масштабе ущерба от репрессий 1937 г. для экономики СССР. Проанализировано выполнение Второго пятилетнего плана по качественным показателям (ведение хозрасчётных отношений; повышение рентабельности промышленности и использование стоимостных рычагов; повышение качества промышленной продукции; уменьшение зависимости от импортных поставок машин и оборудования и т.д.). Раскрываются степень и значение влияния Всесоюзных Совещаний хозяйственников 1931, 1934, 1935, 1936 гг. на изменение содержания экономического курса государства: выработки относительно сбалансированной экономической политики 1933–1936 гг., способствовавшей достижению значительных позитивных результатов; выполнению основных производственных заданий второй пятилетки. Директорский корпус предприятий промышленности СССР рассматривается как главный субъект советского Индустриального проекта. Сделан обоснованный вывод о создании гигантского индустриального потенциала в СССР, сопоставимого с развитыми капиталистическими странами по многим количественным показателям. В наибольшей степени это относится к оборонному производству. Вместе с тем, репрессии 1937 г. не позволили решить комплекс проблем, связанных с качественными показателями.

Ключевые слова: СССР, вторая пятилетка, экономическая политика, пятилетние планы, индустриализация, государственное управление, социально-экономические преобразования, репрессии.

JEL: B24, N44

УДК: 338(091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_194_208

© М.А. Фельдман, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Фельдман М.А.* Второй пятилетний план и его реализация в 1933–1937 гг.: многоликая судьба // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 194–208. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_194_208.

FOR CITATION: *Feldman M.* The Second Five-Year Plan and its Implementation in 1933–1937: A Multifaceted Fate // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki.* 2026. No. 2. Pp. 194–208. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_194_208.

Историография проблемы

Оценка итогов выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР 1933–1937 гг. прозвучала в тезисах доклада секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина на Пленуме ЦК ВКП (б) (1–4 июня 1936 г.) о Конституции СССР¹. Тогда, 1 июня 1936 г., ещё трудно было говорить об итогах второй пятилетки, но вывод о достигнутой «победе социалистического способа производства в экономике»; «успешном процессе сближения всех слоёв советского общества в единый народ»; создании «передовой экономики»² уже прозвучал. Согласно сталинской логике, «громадные сдвиги к социализму» предполагали принятие соответствующей им Конституции, закрепляющей «завершение переходного этапа от капитализма к социализму».

Ряд тезисов доклада Сталина прочно вошёл и в фундаментальные идеологемы коммунистической идеологии (так называемого «научного коммунизма»), и в основополагающие понятия советской истории. Традиционными для советской идеологии стали тезисы и о наличии в СССР «самой передовой промышленности», и о «самом крупном в мире, механизированном, вооружённом новой техникой сельском хозяйстве в виде системы колхозов и совхозов», и о появлении в стране принципиально новых классов — «рабочего класса СССР, владеющего средствами производства и направляющего советское общество по пути к коммунизму» и «современного советского крестьянства, базирующего свою работу на коллективной собственности, на коллективном труде и современной технике».

Все эти положения были повторены в докладах Сталина и Молотова на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. По заявлению Сталина, «Советский Союз является единственной страной в мире, которая не знает кризисов, промышленность которой всё время идёт вверх. ... Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности» [XVIII..., 1939. С. 11, 18]. В то же время, подчеркнул генеральный секретарь, «мы всё ещё отстаём в экономическом отношении, т. е. в отношении размеров нашего промышленного производства на душу населения [Там же. С. 17].

Подводя итоги выполнения второго пятилетнего плана, Молотов объявил о «выполнении Второй пятилетки за четыре года и три месяца» и «успешном завершении технической реконструкции» народного хозяйства. По определению Молотова, «СССР вступил уже в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму» [XVIII..., 1939. С. 282, 284]. Оценка Сталина была более осторожной: завершение фазы социализма в СССР должно было наступить «только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов» [XVIII..., 1939. С. 18].

В этой связи показателен фрагмент «Итогов выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», воспроизводящий сталинскую оценку итогов второй пятилетки (1933–1937 гг.) в Отчётном докладе ЦК ВКП(б) на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г.: «Наиболее важным результатом в области развития народного хозяйства за отчётный период нужно признать завершение реконструкции промышленности и земледелия на основе новой, современной техники... Можно сказать без преувеличения, что с точки зрения техники производства, с точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой, наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой другой страной» [Итоги..., 1939. С. 7].

¹ Российский государственный архив социально-политической информации (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 1194 Л. 3. — Л. 14.

² Там же. Л. 8.

О прочности и длительности существования сталинских умозаключений свидетельствует тот факт, что они фактически повторялись в более поздних «классических» трудах советской историографии индустриализации в СССР. Характерен пример официоза — «Истории советского рабочего класса» (1984 г.), где утверждалось, что «в годы Второй пятилетки процесс социалистической индустриализации был завершён», а «создание материально-технической базы социализма (оказалось) органически связано с решением коренной задачи социалистического строительства — достижением полной победы социалистических производственных отношений» [*История...*, 1984. С. 177, 183]. Только в середине 1970-х гг. появились научные труды, где высказывались предположительные корректировки сроков завершения социалистической индустриализации — отнесение их не к 1937 г., а к 1941 г. [*Лельчук*, 1975. С. 173, 177], но без изменения сущности сталинских выводов.

В постсоветской исторической литературе основной акцент был сделан на исследовании политических процессов в годы второй пятилетки [*Хлевнюк*, 2010]. Итоги выполнения второго пятилетнего плана затрагивались только в связи с достижением тех или иных количественных показателей. Общей чертой стало подчёркивание условности и недостоверности значения опубликованных статистических данных за 1937 г.

Определённым исключением является Р. Дэвис — известный британский историк, зачинатель и ведущий автор капитального семитомного труда «The Industrialisation of Soviet Russia», первый том которого вышел в 1980 г., а заключительный, седьмой, в 2018 г. (среди соавторов седьмого тома на титульном листе перечислены также М. Харрисон, С. Уиткрофт и российский историк О. Хлевнюк; Р. Дэвис — единственный автор 1–4 томов издания). В седьмом томе «Советская экономика и приближение войны, 1937–1939 гг.» Дэвис обратил внимание на снижение темпов роста экономики СССР в 1937 г., связав это с репрессиями и переводом части предприятий в сферу оборонной промышленности. О серьёзности возникших проблем свидетельствовала ситуация в чёрной металлургии, где «план по вводу новых металлургических мощностей в 1937 г. полностью провалился». Ещё одним проявлением низких показателей работы чёрной металлургии было снижение эффективности на заводах отрасли. Аналогичные причины вызвали и снижение качества выпускаемой продукции в ряде других отраслей тяжёлой и лёгкой промышленности [*The Industrialisation...*, 2018. Pp. 88–89]. Тем не менее аналитический разбор соотношения задач второго пятилетнего плана (далеко выходящих за пределы количественных показателей) и достигнутых результатов в научной литературе отсутствует.

Замечу, что публикация Институтом российской истории РАН в 1999 г. сборника документов «Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы» [*Индустриализация...*, 1999], с вводом в научный оборот ранее засекреченных сведений о работе промышленных отраслей и предприятий в 1937 г., позволяет расширить диапазон исследований.

Как известно, во второй пятилетний план были включены группы технико-экономических показателей качественного характера: применения наиболее совершенного оборудования и технологических процессов; механизации трудоёмких процессов; использования электроэнергии, топлива, сырья и материалов; качества продукции. Акцент на использование качественных показателей декларировался как отличительный признак второй пятилетки [*Второй...*, 1934. С. 89, 357, 359, 368], а задача «одновременно со снижением себестоимости добиться резкого улучшения качества и ассортимента продукции во всех отраслях народного хозяйства» [Там же. С. XIII, XXXV] рассматривалась как основная. Пятилетний план предполагал установление взаимозависимости и связи между отдельными отраслями, районами и экономикой страны в целом, а также внутри конкретной отрасли и района. Отраслевые программы и планы развития экономических районов становились составной частью стратегии второй пятилетки. В какой же степени удалось выполнить указанные выше задачи второго пятилетнего плана? Статья посвящена поиску ответа на данный вопрос.

Постановка проблемы

Круг вопросов, позволяющих приблизиться к оценке степени выполнения второго пятилетнего плана, на наш взгляд, должен включать в себя сравнение:

- ▶ плановых индикаторов; официально опубликованных показателей выполнения второго пятилетнего плана; реальных количественных показателей;
- ▶ аналогичное сравнение плановых, опубликованных и реальных качественных показателей;
- ▶ сравнение плановых, опубликованных и реальных качественных показателей развития оборонно-промышленного сектора;
- ▶ сравнение плановых, опубликованных и реальных качественных показателей развития производительных сил страны;
- ▶ сравнение основных характеристик производительных сил СССР и ведущих индустриальных держав;
- ▶ выявление ущерба от репрессий 1937 г. для социально-экономического развития СССР.

Итоги выполнения второго пятилетнего плана

Количественные показатели

Динамичный рост экономики СССР в 1933–1936 гг. был нарушен широкомасштабными репрессиями 1937 г. Однако о невыполнении заданий второй пятилетки не было ничего сказано ни в Отчётном докладе ЦК ВКП(б), который делал Сталин на XVIII съезде партии (март 1939 г.), ни в выступлении на съезде наркома тяжёлой промышленности Л.М. Кагановича.

Тем не менее глубину кризисных явлений в экономике в 1937 г. скрыть было невозможно, и в докладе председателя Совета народных комиссаров (СНК) СССР В.М. Молотова на XVIII съезде ВКП(б) в разделе «Итоги Второй пятилетки», было отмечено: «...по некоторым важным отраслям тяжёлой индустрии, как чугун, уголь, нефть, план оказался значительно невыполненным». Однако это утверждение не было конкретизировано. Молотов ограничился указанием на то, что план по строительству электростанций выполнен только наполовину — на 55% и констатацией нехватки энергоресурсов в народном хозяйстве [XVIII..., 1939. С. 284, 293].

Между тем высшее руководство страны уже в конце января 1939 г. обладало полной информацией о реальных итогах второй пятилетки. Докладная записка члена Политбюро ЦК, секретаря ЦК ВКП(б), наркома тяжёлой промышленности СССР Кагановича председателю СНК СССР Молотову от 26 января 1939 г. содержала сведения по всем отраслям промышленности за 1937 г., не предназначенные для печати [*Индустриализация...*, 1999. С. 172–179]. В тексте Докладной записки были приведены конкретные данные по итогам выполнения второго пятилетнего плана: по каменному углю — 85,1%, нефти — 64,9, чугуну — 89,2, по цветным металлам (от 72 по меди до 20,0% по олову). На уровне 37,9 — 74,3% были выполнены задания по производству разных химических продуктов. План капитальных вложений был выполнен на 94%. При плане введения в эксплуатацию 178 каменноугольных шахт мощностью в 143 млн т — фактически было введено 145 новых шахт мощностью в 74,6 млн т.

Докладная записка Кагановича вносила уточнения в показатели производства ряда важнейших видов промышленной продукции в натуральном выражении. Так, в 1937 г., согласно опубликованной статистике, угля было добыто 128 млн т, а согласно записке наркома — 117,6 (т.е. меньше на 10,4 млн т); чугуна — 14,5 млн т и 14,0 млн т; стали — 17,7 млн т и 13,7 (т.е. фактически меньше на 4 млн т); проката чёрных металлов — 13,0 млн т и 10,65

(меньше на 2,35 млн т); цемента — 5,5 млн т и 4,856 млн т и т.д. [Индустриализация..., 1999, С. 172–173]. Сравнение плановых индикаторов на 1937 г. (по материалам Второго пятилетнего плана) и фактически достигнутых, приведённых в Докладной записке, показывает масштаб недостижения запланированных результатов.

Данный документ ценен тем, что в нём были приведены сведения не только о росте основных видов продукции тяжёлой промышленности СССР за 1933–1937 гг., но и объективные данные о выполнении заданий второй пятилетки по тем показателям, которые официальной статистикой прежде не публиковались. Из них следует, что из 27 важнейших видов продукции пятилетние задания были выполнены только по трём (сталь, марганцевая руда и синтетический каучук) [Индустриализация..., 1999, С. 179]. В силу этого очевидна несостоятельность утверждения Молотова на XVIII съезде ВКП(б) о «выполнении Второй пятилетки за четыре года и три месяца» [XVIII..., 1939, С. 284].

Косвенно об ущербе репрессий 1937 г. для экономики, сыгравших немалую роль в срыве выполнения заданий второй пятилетки, можно судить по динамике производства чёрных металлов в 1932–1937 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Производство чёрных металлов в СССР в 1932–1937 гг., млн т

Вид производства	1932 г.	1936 г.	1937 г. (плановый показатель по данным Докладной записки Кагановича)	1937 г. (плановый показатель по материалам 2-го 5-летнего плана)	1937 г. фактически
Сталь	6,2	16, 2	17,7	17	13,7
Чугун	5,9	14, 4	14	16	14
Прокат	4,4	12, 4	13	13	10, 65

Источник: *Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы.* Часть 2. — М.: ИРИ РАН, 1999. С. 172–173. *Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг.* — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 256, 259.

Даже если брать данные по одной отрасли — чёрной металлургии, видно, насколько дорого обошлись репрессии против директорского корпуса крупных предприятий промышленности СССР в 1937 г.: *снижение выпуска металлургической продукции в 1937 г. на 18–23 % означало срыв многих производственных программ.* Докладная записка Кагановича «деликатно» обходила вопрос о выполнении планов в отраслях машиностроения. Между тем и здесь (в ряде отраслей) 1937 г. стал годом «движения вниз» (табл. 2).

Таблица 2

Производство станков и тракторов в СССР в 1932–1937 гг., тыс. шт.

Вид производства	1932 г.	1936 г.	1937 г. плановый показатель по материалам 2-го 5-летнего плана	1937 г. фактически	% выполнения 2-го 5-летнего плана
Станки	19,7	44, 4	40	36	90
Трактора	52	176	167	80, 3	48

Источник: *Итоги выполнения Второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР.* — М.: Госпланиздат, 1939. С. 19; *Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.).* В 2 т. Т. 1. — М.: Госпланиздат, 1934. С. 151.

Снижение выпуска станков на 18% в 1937 г. и тракторов на 52% в сравнении с 1936 г. наглядно показывает глубину расстройств социально-экономической жизни на предприятиях, лишившихся руководящего состава.

По подсчётам работников Госплана, потери валовой продукции промышленности только за счёт простоев и прогулов по неуважительным причинам исчислялись за годы Второй пятилетки в 3 млрд руб., в том числе за один лишь 1937 г. — 1,8 млрд руб. [Маркус, 1939. С. 162]. Простой подсчёт показывает: ежегодная цена простоев и прогулов по неуважительным причинам в 1937 г. (в сравнении с периодом 1933 — 1936 гг.) выросла в шесть раз!

О впечатлении, произведённом на Сталина текстом Докладной записки Кагановича, можно судить по тому, что он, будучи одним из самых близких и верных соратников Сталина, в конце января 1939 г. был лишён поста наркома тяжёлой промышленности СССР, а в марте 1939 г. — и должности секретаря ЦК ВКП(б).

Следует отметить тот факт, что к марту 1939 г. руководство СССР, наряду с пропагандистскими акциями, прославляющими достижения советской индустриализации, смогло более реалистично сравнивать уровень развития отечественной экономики. В документах третьего пятилетнего плана, подготовленных в марте 1939 г. для делегатов XVIII съезда ВКП(б), отмечалось: производство электроэнергии на душу населения в 1937 г. в СССР было в 5,4 раза меньше, чем в США, в 3,4 раза меньше, чем в Германии; выплавка чугуна на душу населения — в 3,4 раза меньше, чем в США, в 2,7 раза ниже, чем в Германии; выплавка стали — в 3,8 раза меньше, чем в США, 2,8 раза меньше, чем в Германии, в 2,7 раза меньше, чем в Англии и в 1,8 раза меньше, чем во Франции; производство бумаги — в 9,9 раза меньше, чем в США, в 8,6 раза меньше, чем в Германии [Третий..., 1939. С. 13–14]. Факт отставания в экономическом отношении от «главных капиталистических стран» был признан советскими лидерами столь же чётко, как и обоснование возможности догнать и перегнать США, Германию и иные западные державы.

Качественные показатели

Во всех партийно-государственных документах 1933–1937 гг., включая резолюции XVII съезда ВКП(б), декларировалась приоритетная задача — «развития хозяйственного расчёта во второй пятилетке». Отражением значимости этого фактора в указанный период стало соответствующее название отдельного раздела четвёртого тома «Истории социалистической экономики СССР» в семи томах [История..., 1978. С. 48–68]. Авторы раздела сообщали: «... в течение первых лет второй пятилетки объективных условий для снижения себестоимости не было», что объяснялось «сложностью реализации в период 1933–1936 гг. освоения новой техники». При этом, «по ориентировочному расчёту, разрыв между отпускной ценой и себестоимостью только по “убыточным отраслям” в НК тяжёлой промышленности в 1935 г. составлял 2,5 млрд руб.» [История..., 1978. С. 49–50]. Собственно говоря, приведённый выше показатель наглядно иллюстрировал, как невысокий уровень управленческой зрелости хозяйственных кадров; степень производственно-технической подготовки специалистов и рабочих, так и сохраняющийся приоритет количественных показателей для руководства СССР. Для понимания масштаба приведённого показателя (2,5 млрд руб.) приведём индикатор капитальных вложений в промышленность СССР за все годы Второй пятилетки — 6,377 млрд руб. [Капитальное..., 1961. С. 66].

Перелом в становлении хозрасчётных отношений, по мнению советских специалистов по экономической истории, был связан с принятием 1 апреля 1936 г. Постановления СНК СССР об отмене дотаций из государственного бюджета ряду отраслей тяжёлой промышленности [История..., 1978. С. 49]. Эта мера была ориентирована на «повышение рентабельности промышленности и использование стоимостных рычагов». Однако насколько реалистичным было заявление, что «отпали расчёты многих руководителей предприятий на государственный кошелёк», а «ответственность каждого предприятия за состояние

своего финансового хозяйства резко повысилась» [Там же. С. 63]? Произошёл ли переход предприятий к бездотационной, безубыточной работе?

Для ускорения процесса бездотационной работы предприятий в апреле 1936 г. был повышен уровень цен в отраслях тяжёлой промышленности, чтобы создать условия для рентабельной работы. В какой мере назрела необходимость в повышении уровня цен, показывает соотношение отпускной цены и себестоимости (до реформы цен в 1936 г.) на некоторые виды продукции: от 51,7% на каменный уголь до 75% на сталь [Там же. С. 50, 54–55]. Если отпускная цена легковой машины М-1 составляла 4 500 руб., то её себестоимость — 9 000 руб., а грузовика ЗИС-5, соответственно, 10 тыс. и 11 тыс. руб. [Поляк, 1940. С. 71].

Новые отпускные цены были построены на уровне средней себестоимости продукции в данной отрасли и с учётом запланированного снижения себестоимости на 1936 г., что должно было обеспечить безубыточную, рентабельную работу предприятий. При этом розничные цены не были повышены [История..., 1978. С. 53, 54]. В реальности это означало, что в апреле 1936 г. в ручном режиме была проведена *разовая акция*, не способная на длительный период связать себестоимость продукции с отпускными ценами. Перед нами две очевидные тенденции: во-первых, уравнивательная — искусственное выравнивание рентабельности «успешных» и «неуспешных» предприятий; во-вторых, ещё одно проявление директивных методов управления. Обе тенденции были весьма далеки от курса на декларируемое повсеместное внедрение хозрасчётных отношений.

Временный характер положительного воздействия такой акции виден из официальных статистических данных: при плане снижения себестоимости промышленной продукции на вторую пятилетку на 26% в действительности оно составило 10,3%. Судя по машиностроению, снижение себестоимости имело место в 1933–1935 гг., затем оно снизилось до 1,2% в 1936 г. и прекратилось в 1937 г. [История..., 1978. С. 146, 160].

Затруднительность бездотационной работы и внедрения хозрасчётных отношений была вызвана рядом причин, в том числе преобладанием в промышленности СССР произвольно назначенных отпускных цен. Так, на машиностроительных заводах они составляли 62% всех норм, на предприятиях сельскохозяйственного машиностроения — 70% [Советская..., 1978. С. 40].

Оторванность системы цен от экономических реалий не была секретом для специалистов. По замечанию историков экономики в «Истории социалистической экономики СССР», «пестрота в уровне рентабельности и отпускных цен сделала необходимым снизить высокие цены до уровня средней рентабельности и соответственно повысить убыточные цены. Пересмотр цен охватил прежде всего угольную промышленность, чёрную металлургию, машиностроение и текстильную промышленность» [История..., 1978. С. 35, 36].

Указанное явление (превышение показателя себестоимости продукции уровня отпускных цен) не ограничилось рамками второй пятилетки. Так, средняя себестоимость тонны угля в I-м квартале 1938 г. составляла 27 руб. 61 коп., а отпускная цена — 18 руб. 82 коп., что обусловило необходимость увеличить государственную дотацию предприятиям каменноугольной промышленности. Следует заметить, что подобное явление было характерно для последующих лет в ряде отраслей промышленности. В этой связи показателен новый прецедент цен, введённый решением Экономсовета при Совнаркомом СССР с января 1940 г. Он предусматривал снижение цен на одни виды продукции (до 30%) и повышение цен на другие группы изделий, чтобы «свести к минимуму число нерентабельных видов продукции» [История..., 1978. С. 38].

Бодрый вывод, что значительное улучшение качественных показателей за годы второй пятилетки «создало возможность прекращения государственной бюджетной дотации многим отраслям тяжёлой промышленности. За исключением отраслей добывающей промышленности (каменноугольная, рудная, торфяная) почти все отрасли тяжёлой промышленности в 1936 и 1937 гг. получали прибыль», не подтверждается какими-либо

статистическими данными. Настораживает и следующий за «фрагментом оптимизма» абзац: «вместо экономии, лесная промышленность допустила за годы Второй пятилетки перерасход государственных средств. Недовыполнение в целом по всей промышленности установленного Вторым пятилетним планом задания по размеру экономии от улучшения качественных показателей определялось, главным образом, перерасходом государственных средств» [Итоги..., 1939, С. 30–31].

Наконец, для учёных-экономистов предвоенной поры не был тайной искусственный характер подсчёта прибыли на советских предприятиях: «прибыль рассчитывалась условным методом и часто оказывалась неточной» [Поляк, 1940. С. 71]. Таким образом, декларируемая, как приоритетная, задача — *повсеместное* развитие хозяйственного расчёта во второй пятилетке и на этой основе переход к бездотационной работе предприятий — в условиях директивной экономики осталась на уровне пожеланий.

Во всех плановых документах второй пятилетки *проблема качества промышленной продукции* выдвигалась на первый план, как одна из важнейших в ходе «борьбы за совершенствование социалистического производства, за укрепление хозрасчёта». Правда, обращал на себя внимание такой факт: в отдельном разделе второго пятилетнего плана — «Себестоимость и качество продукции» — *на 25 страницах практически не упоминалась тема качества продукции* [Второй..., 1934, С. 355–380].

Периодически в открытом доступе появлялись отдельные сведения о потерях от брака, но в заниженных оценках. Так, в докладе заместителя председателя СНК СССР Н.А. Булганина на XVIII съезде ВКП(б) отмечалось: в 1937 г. потери от брака составили в целом по машиностроению 447 млн руб., или 1,6% от стоимости выпуска продукции машиностроения» [XVIII, 1939. С. 364, 365]. Однако потери от брака в отрасли были существенно выше: по данным журнала «Проблемы экономики» в 1937 г. «брак достигал 13% и выше от стоимости выпуска продукции машиностроения» [Федулов, 1939. С. 125].

Высокий уровень бракованной продукции превратился в перманентную черту довоенной экономической жизни. Судя по справке, составленной для высшего руководства СССР о ходе выполнения третьего пятилетнего плана, за 1938–1940 гг. потери от брака в промышленности составили 5,9 млрд руб., из них 4 млрд руб. — в машиностроении, включая оборонное производство. Каждая десятая тонна выплавленного чугуна была признана бракованной³. Всё это показывало, какие большие резервы экономии имелись в промышленности, насколько значительны были возможности снижения себестоимости продукции и увеличения накоплений.

Одним из наиболее существенных достижений советской экономики стало *уменьшение зависимости от импортных поставок* машин и оборудования, металлов и сырья. В результате успехов в развитии промышленности за годы второй пятилетки был прекращён импорт сельскохозяйственных машин и тракторов, паровозов, вагонов, врубных машин, многих других видов оборудования и сырья [Итоги..., 1939. С. 28–29]. Общий объём импорта снизился с 3 084 млн руб. в 1932 г. до 1 341 млн руб. в 1937 г. [Индустриализация..., 1999. С. 28–29]. В частности, импорт машин и оборудования за 1932–1937 гг. сократился с 435 тыс. т, до 113 тыс. т, в том числе, металлорежущего оборудования — с 106,1 тыс. т до 30,5 тыс. т [Внешняя..., 1960. С. 334, 368]. Характерная черта: если в 1932 г. на собственное производство приходилось 22% оборудования для оснащения строящихся заводов, остальное надо было закупать за рубежом, то в 1937 г. это соотношение изменилось кардинально: 91% — отечественного производства, 9% — импортное. К концу второй пятилетки в общем потреблении страны удельный вес импортной продукции не превышал 1% [Айзенштад, Чихачев, 1957, С. 216, 283]. Факт превращения СССР в экономически независимую державу неоспорим — и это достижение индустриального рывка в годы первых двух пятилеток.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 293. Л. 35.

Однако говорить о полном освобождении от импортных поставок было бы преждевременно, да и нецелесообразно. Доля ввезённых из-за границы станков в 1933–1937 гг. не превышала 14% от числа станков, поступивших на предприятия советской промышленности, но она включала наиболее сложные, специальные (тяжёлые) станки германского производства [Касьяненко, 1972. С. 196, 198]. Проблема заключалась не только в количестве: по оценке советских экономистов в 1937 г. в СССР выпускалось 300 типоразмеров станков, в том числе немало устарелых, тогда как в США — 3 000 [Сухаревский, 1940. С. 26].

При общей потребности в автомобильном листе в 1937 г. в 80 тыс. тонн, импортировалось 35 тыс. тонн, или 44%. Нехватка цветных металлов отрицательно сказывалась на производстве в электротехнической и оборонной промышленности. Импортная независимость была достигнута только по алюминию, цинку и магнию. Доля импорта в производственном потреблении СССР в 1937 г. составляла: олова — 88%, никеля — 70,5, меди — 24,6, свинца — 23,6% [Касьяненко, 1972. С. 200, 209].

Годы второй пятилетки стали временем превращения СССР в *развитую научную державу*. Следует отметить рост научных сил страны: количество научных сотрудников Академии наук СССР выросло с 871 в 1932 г. до 3 003 человек в 1937 г. [Комков, 1974. С. 326].

Если до 1932 г. научные учреждения были сосредоточены главным образом в Москве и Ленинграде, то в годы Второй пятилетки они были созданы и на периферии. Комплексными научно-исследовательскими институтами, группирующими вокруг себя местных научных работников и содействующими культурному строительству республик, стали филиалы и базы Академии наук СССР на местах. К 1936 г. Академия имела следующие филиалы: Уральский (Свердловск), Дальневосточный (Владивосток), Казахстанский (Алма-Ата) и базы в Таджикистане (Сталинабад), на Кольском полуострове (Кировск) и в Архангельске. При Президиуме Академии наук СССР был создан Комитет по заведению филиалами и базами, возглавляемый её вице-президентом В.Л. Комаровым. Это позволило провести ряд Всесоюзных конференций по проблемам, находящимся в эпицентре мировой науки: по атомному ядру (1933 и 1937 гг.); по автоматике и телемеханике (1935) и т.д. Всемирное признание получили труды советских математиков, физиков, химиков, биохимиков, физиологов [Комков, 1974. С. 320, 331].

Однако насколько быстро достижения науки внедрялись в производство? Проблема была столь острой, что о ней говорили и на официальных мероприятиях. Соотношение числа выданных патентов промышленного характера в СССР и в развитых капиталистических государствах за 1936–1939 гг.: в США — 50 тыс., в Германии — 16,5 тыс., а в СССР — 4 тыс.⁴ не свидетельствовало о превосходстве в этой сфере социалистического государства.

Сдвиг промышленности на Восток был весомой частью советского индустриального проекта. Согласно второму пятилетнему плану в районы Урала, Сибири, Дальневосточного края, Закавказья и Средней Азии в период 1933–1937 гг. планировалось направить 40% общих капитальных вложений в народное хозяйство [История..., 1978. С. 315]. Увеличение доли Восточных районов СССР в общесоюзном промышленном производстве было, на первый взгляд, не столь ощутимым: с 17% в 1932 г. до 21,7% в 1937 г.⁵, но оно фиксировало не столько позитивный сдвиг, сколько процесс создания индустриальной базы, потенциал которой раскрылся за пределами второй пятилетки.

Достижения и недостатки сдвига промышленности на Восток рассмотрим на примере гражданского машиностроения. Насколько были выполнены планы развития гражданского машиностроения за 1933–1937 гг.? Запуск заводов гигантов — Уралмаша, Уралвагонзавода, Челябинского тракторного, Пермского авиамоторного заводов и др. — свидетельствовал

⁴ Выступление Первого секретаря ЦК ВЛКСМ (1938–1952 гг.) Н.А. Михайлова на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) // Правда. 1941. 22 февраля. С. 3.

⁵ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 132.

о создании новой крупной машиностроительной базы на Востоке страны, потенциал которой находился в процессе освоения.

За годы второй пятилетки удельный вес продукции машиностроительных заводов Урала и Западной Сибири поднялся с 6,46% в 1932 г. до 8,44% в 1936 г. [*Итоги...*, 1934. С. 45, 116], и потому говорить о глобальном сдвиге было бы преждевременно. Производство наиболее сложных машин и аппаратуры гражданского и особенно военного назначения по-прежнему концентрировалось в столичных регионах и на крупных предприятиях Украины. Если на долю Ленинграда в 1937 г. приходилось 20% отраслевой продукции машиностроения и металлообработки, то на всю Сибирь и Дальний Восток — только 2,4% [*Итоги...*, 1934. С. 115].

В эти годы изменилась типологизация машиностроения. Из так называемого производственного машиностроения выделились в самостоятельные отрасли станкостроение, дизелестроение, котлостроение, турбиностроение, химическое машиностроение, текстильное, кожевенно-обувное, пищевое и т.д. Транспортное машиностроение разделилось на составные части: паровозо- и вагоностроение, речное судостроение. Соответственно, машиностроительные заводы и предприятия металлообработки более отчётливо специализировались по типам выпускаемой продукции. Наметившаяся в годы первой пятилетки отраслевая специализация экономических районов углубилась. На Востоке страны, вблизи угольно-металлургических месторождений, строились главным образом предприятия с металлоёмким производством (паровозо-, вагоно-, тракторостроение, котлостроение). Так, например, перенос большей части выпуска тракторов в Сталинград, Харьков и Челябинск позволил Ленинграду, который изначально был одним из центров отечественного тракторостроения, сосредоточиться на выпуске менее металлоёмких, лёгких типов тракторов — для пропашных работ. В целом же машиностроительные предприятия обеих столиц фокусировались на выпуске более сложной наукоёмкой продукции (например, авиастроении, производстве станков-автоматов и полуавтоматов для лёгкой промышленности и пр.), что объяснялось наличием у них необходимых квалифицированных кадров [*Розенфельд, Клименко, 1961. С. 264, 311, 321*],

Развитие оборонно-промышленного комплекса в годы второй пятилетки следует оценить, как противоречивое. С одной стороны, государство прилагало титанические усилия по приоритетному развитию комплекса. Если в общем объёме капитальных вложений в промышленность в 1936 г. на долю Наркомата оборонной промышленности приходилось 25,2%, то в 1937 г. уже 52,5% [*Симонов, 1996. С. 98*]. Сама консолидация усилий по модернизации оборонно-промышленного комплекса способствовала созданию Народного Комиссариата обороной промышленности, образованного 8 декабря 1936 г.

С другой стороны, очевидны глубокие территориальные диспропорции в развитии оборонно-промышленного комплекса. К концу Второй пятилетки из 219 производственных предприятий, относившихся к Наркомату оборонной промышленности (по состоянию на 1 января 1938 г.) 68 (31 %) — дислоцировались в Москве и Московской области; 38 (17,3%) — в Ленинграде. В краях и областях Урала, Сибири и Дальнего Востока находились 30 предприятий (13,6 %), а на стратегически опасном юго-западном направлении (области Украины) — 26 оборонных предприятий (11,8 %) [*Симонов, 1996. С. 98*]. В работе Симонова не указано, где находились ещё 57 (26,3%) предприятий, подведомственных Наркомату оборонной промышленности. Это главным образом Поволжье, Северные районы СССР, Центральный чернозёмный округ, Казахстан, Республики Кавказа и Средней Азии.

С учётом близости Ленинграда к границе на Северо-Западе и концентрации военных заводов в Москве и Московской области схема расположения была далека от выполнения задач Советского правительства. Вывод ряда историков весьма категоричен — «размещение военной промышленности было крайне уязвимым в случае войны [*Великая...*, 2012. С. 507], и он подтвердился в 1941 г. Столь разительные региональные отличия (даже среди ведущих индустриальных центров) во многом объяснялись концентрацией в Московской

и Ленинградской областях предприятий военной промышленности, обладавшей передовыми технологиями [Там же. С. 597]; расположением в столицах большинства высших учебных заведений; традициями управленческой практики.

В опубликованных официальных источниках выборочно освещался вопрос о *механизации трудоёмких процессов*. Так, «Итоги выполнения Второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», опубликованные в 1939 г., фактически информировали только о показателях механизации заготовки и доставки угля в каменноугольной отрасли, соответственно — 89,6 и 84,4%, работ на заготовках торфа — на 75%. В обтекаемой форме говорилось о «серьёзных недостатках в деле механизации труда в лесозаготовительной и рудной промышленности» [Итоги..., 1939. С. 21–22].

В то же самое время специалисты на страницах экономических журналов давали куда более критическую оценку состояния механизации в индустрии СССР. В частности, отмечался низкий уровень механизации трудоёмких процессов в чёрной металлургии, где «около 35% всего чугуна выплавляется в печах, в которых производятся вручную или частично механизированы основные трудоёмкие процессы (загрузка печей, доставка шихты)». Наиболее острой оставалась ситуация в лесной промышленности: механизированная вывозка составляла в 1937 г. всего 32,4% всей вывозки. «Здесь на малопродуктивной и тяжёлой работе была занята ежегодно более чем полумиллионная армия рабочих» [Сухаревский, 1940, С. 23–24].

Приведённая информация свидетельствовала о частичном выполнении задачи Второго пятилетнего плана — «к концу Второго пятилетия добиться завершения в основном механизации всех трудоёмких и тяжёлых процессов в промышленности (чёрная металлургия, каменноугольная промышленность, торфяная промышленность, строительство и добыча местных стройматериалов, лесозаготовки)» [Второй..., 1934. С. XXXIII].

Произошёл определённый сдвиг в механизации сельского хозяйства, но показатели механизации (посевных работ в 1937 г. — 51,1%, уборки зерновых культур комбайнами — 33,6% [Третий..., 1939. С. 222]) были в полтора — два раза ниже индикаторов, намеченных во втором пятилетнем плане на 1937 г., и говорили, скорее, о начальном этапе реконструкции сельской экономики. Показателен пример автомобилизации сельской экономики: в 1937 г. в сельском хозяйстве СССР работали 103 тыс. грузовых автомобилей, тогда как в США — 900 тыс. [Сухаревский, 1940, С. 23–24].

Специфическим было и освещение *электровооружённости труда*. По данным такого источника, как «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» электровооружённость труда в киловатт-часах на одного рабочего составила в 1937 г. 5 700 квт/ч при задании второго пятилетнего плана в 5 300 квт/ч. [Итоги..., 1934. С. 21]. Однако третий пятилетний план приводит совершенно иной показатель — 4 370 квт/ч на одного рабочего в 1937 г. [Третий..., 1939. С. 43], или 82% от запланированного показателя. В этом наглядно проявилась специфика советской плановой статистики: для демонстрации стремительного роста в предстоящий период, допускалась возможность сообщить («невзначай») правду о «дне вчерашнем».

Ни в одном официальном документе не было упоминания о «теневой экономике» в СССР. Между тем годы второй пятилетки стали временем дальнейшего слияния командной экономики с теневой, и задача сохранения видимости централизованного управления системой допускала поведение, в сущности, противоречившее ей [Мерль, 2017. С. 314]. Выяснилось, что командная экономика не может существовать без рынка, даже крайне искажённого. Он помогал ей выжить, компенсируя дефицит товаров и перераспределяя товарные ресурсы [Осокина, 2008, С. 13].

Вынужденное осмысление реальности заставило советское руководство, наряду с репрессивными мерами, сделать ставку на более рациональные методы управления. В отчётах об итогах выполнения второго пятилетнего плана ничего не говорилось о воздействии Всесоюзных Совещаний хозяйственников в 1931, 1934, 1935 и 1936 гг. на изменение содержания

экономического курса государства. Между тем на указанных Совещаниях хозяйственников была выработана относительно сбалансированная экономическая политика 1933–1936 гг., способствовавшая достижению значительных позитивных результатов: «размораживанию» строительных объектов, вводу в строй и освоению производственных мощностей, выполнению основных производственных заданий второй пятилетки [Фельдман, 2024].

Трагическая гибель практически всех участников Всесоюзных Совещаний хозяйственников, значительной части директорского корпуса — подлинных творцов индустриализации, так же как и представителей партийно-государственной номенклатуры в 1937 г., стала тяжёлым ударом по экономике страны, но не привела к сокрушительной катастрофе СССР.

Основные мысли представителей директорского корпуса, озвученные на Всесоюзных Совещаниях хозяйственников, были подхвачены учёными-экономистами в 1939–1940 гг. Выделим главные положения:

- ▶ о несовершенстве планового показателя (по объёму валовой продукции) и необходимости замены его показателем товарной продукции [Турецкий, 1940];
- ▶ о том, что «неизменные цены являются довольно несовершенным инструментом, так как не обеспечивают выявления ассортиментных особенностей выпускаемой продукции» [Поляк, 1940. С. 71];
- ▶ о главном принципе ценообразования (цена должна отталкиваться от величины себестоимости, прибыли, налога с оборота) [Поляк, 1940. С. 72];
- ▶ о порочности существующей банковской системы кредитов, поскольку «банк, по существу, механически восполняет за счёт кредита часть нормативов по незавершённому производству» (т.е. оплачивает и недопоставленную продукцию) [Ситкин, Симкин, 1940. С. 28];
- ▶ о невостребованности сверхплановой продукции («изготовленные сверх программы детали машин никому не нужны») [Федулов, 1939, С. 71].

Идеи могут переживать людей. Преемники директоров, не переживших 1937 г., впоследствии выиграют войну в тылу [Фельдман, 2025].

Заключение

У итогов выполнения второго пятилетнего плана многоликая, многоплановая судьба. Выделим её важнейшие характеристики. Она:

Величественная — колоссальный труд; огромные капиталовложения; научный и управленческий поиск; возможности централизованного управления — дали результат: создание гигантского индустриального потенциала в СССР. Первого в Европе, второго — в мире [Итоги..., 1939. С. 13].

Следует отметить, что по директивам второго пятилетнего плана в 1937 г. по уровню промышленного производства СССР должен был занять первое место в Европе, за исключением выпуска продукции в двух отраслях — угольной и автомобильной. В реальности в 1937 г. СССР уступал Германии по производству стали, чугуна, цемента, электроэнергии, алюминия, автомашин, добыче угля [Итоги..., 1939. С. 14]. Первенство Германии в Европе по названным видам продукции позволяет сделать вывод о близости индустриальных потенциалов в СССР и в Германии в 1937 г. Если брать количественные показатели, аналогичный вывод можно сделать и при сопоставлении рабочих социумов двух держав [Фельдман, 2009].

Следует согласиться с мнением авторов фундаментального труда по истории Великой Отечественной войны: «состояние советской военной промышленности не выглядело предпочтительнее военно-экономического потенциала любой из индустриально развитых стран» [Великая..., 2012. С. 509]. В то же время, СССР обогнал Германию по уровню производства всех основных видов вооружения и военной техники кроме самолетов, боевых

кораблей и автоматического стрелкового оружия. Военно-технический потенциал СССР позволял противостоять агрессору — и это была заслуга народа и руководства страны.

Прерывистая — динамичное развитие экономики в 1933–1936 гг. сменялось кризисными явлениями в 1937 г.

Противоречивая — сдвиг промышленности на Восток сопровождался концентрацией там заводов с металлоёмким производством, а в столицах — предприятий, выпускающих более сложную наукоёмкую продукцию.

Признак великой державы — уменьшение зависимости от импортных поставок машин и оборудования, металлов и сырья, не избавил СССР от закупок за рубежом ряда технологически сложных изделий.

Декларируемая как приоритетная задача — повсеместное развитие хозяйственного расчёта во второй пятилетке и на этой основе переход к бездотационной работе предприятий — в условиях директивной экономики осталась на уровне пожеланий.

Мифологическая — выводы о завершении социалистической индустриализации к 1937 г., о создании в СССР материально-технической базы социализма были основаны на субъективном, идеологизированном толковании ряда количественных показателей.

Трагическая — репрессии 1937 г. стоили жизни значительной части директорского корпуса, как и многим представителям партийно-государственной номенклатуры, что привело к хаосу в экономической жизни.

Оптимистическая — корневая база управленческого корпуса в экономике оказалась сильнее репрессивного вала и вынесла наверх новую когорту «командиров производства». Освоенные в 1933–1936 гг. новые производственные мощности стали основой для укрепления индустриального потенциала страны в предвоенный период.

Невыполненные задачи второго пятилетнего плана, их осмысление учёными, специалистами и управленцами легли в основу новых плановых документов, прежде всего третьего пятилетнего плана. Оценка итогов выполнения Второго пятилетнего плана в выступлениях руководителей страны на XVIII съезде ВКП(б), наряду с мифологическими характеристиками, содержала и рациональные суждения. Последние открыли дорогу критическим обзорам различных сфер народного хозяйства СССР в статьях, публиковавшихся в экономических журналах 1939 — первой половины 1941 гг. В них нашли отражение и процессы созидания в годы второй пятилетки, и критическое осмысление ряда негативных факторов, что открывало пути поиска решения так и не выполненных задач.

ЛИТЕРАТУРА

- XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939. (1939). — М.: Партиздат.
- Айзенштадт Л.А., Чихачев С.А. (1957). *Очерки по истории станкостроения СССР*. — М.: Государственное научно-техническое издательство.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. *Происхождение и начало войны*. (2012). — М.: Кучково поле.
- Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). В 2 т. (1934). — М.: Госпланиздат.
- Индустриализация Советского Союза. *Новые документы. Новые факты. Новые подходы*. Ч. 2. (1999). — М.: ИРИ РАН. URL: https://IndustrializatsiaSovetskogo_Soyuza_II_1999.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
- История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 2. *Рабочий класс — ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921–1937 гг.* (1984). — М.: Наука.
- История социалистической экономики: в 7 т. Т. 4. *Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в России. 1933–1937 гг.* (1978). — М.: Наука.
- Итоги выполнения Второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. (1939). — М.: Госпланиздат.
- Капитальное строительство в СССР. (1961). Стат. сб. — М.: Госстатиздат.
- Касьяненко В.И. (1972). *Завоевание экономической независимости СССР (1917–1940)*. — М.: Политиздат.
- Комков Г.П. (1974). *Академия наук СССР. Кратк. исторический очерк*. — М.: Наука.
- Лельчук В.С. (1975). *Социалистическая индустриализация СССР и её освещение в советской историографии*. — М.: Наука.

- Маркус Б.Л. (1939). Узловые вопросы организации труда в третьей пятилетке // *Проблемы экономики*. № 3. С. 152–166.
- Мерль Ш. (2017). Советская экономика: современные оценки // *Экономическая история*. Ежегодник. — М.: ИРИ РАН. С. 303–343.
- Осокина Е.А. (2008). За фасадом «сталинского изобилия». *Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941*. — М.: РОССПЭН.
- Поляк Г. (1940). Баланс доходов и расходов народнохозяйственных организаций // *Плановое хозяйство*. № 7. С. 70–82.
- Розенфельд Я.С., Клименко К.И. (1961). *История машиностроения СССР*. — М.: Изд-во АН СССР.
- Симонов Н.С. (1996). *Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление*. — М.: РОССПЭН.
- Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг.* (1963). — М.: Изд-во Акад. наук СССР.
- Ситкин В., Симкин З. (1940). Усилить контроль рублём в тяжёлой промышленности // *Плановое хозяйство*. №2. С. 21–32.
- Сухаревский Б. (1940). Машиностроение и основная экономическая задача СССР // *Плановое хозяйство*. № 6. С. 12–29.
- Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.)*. (1939). — М.: Госпланиздат.
- Турецкий Ш. (1940). Некоторые вопросы народнохозяйственного планирования. // *Проблемы экономики*. 1940. № 7. С. 65–81.
- Федулов В. (1940). О незавершённом производстве и борьбе с браком // *Плановое хозяйство*. № 12. С. 120–133.
- Фельдман М.А. (2009). Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941 г.: сравнительные характеристики // *Российская история*. № 6. С. 79–93.
- Фельдман М.А. (2024) Секретное Совещание в ЦК ВКП (б) 22–23 июня 1931 г. — поиск нового экономического курса // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 197–214.
- Фельдман М.А. (2025). К вопросу о феномене Всесоюзных Совещаний хозяйственников в 1931–1936 гг. // *Экономическая история: Ежегодник. 2024/25*. — М.: ИРИ РАН. С. 342–365.
- Хлевнюк О.В. (2010). *Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры*. — М.: РОССПЭН.
- Хлевнюк О.В. (2016). *Сталин. Жизнь одного вождя*. — М.: РОССПЭН.
- The Industrialisation of Soviet Russia Vol. 7: The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939*. (2018). — L.: Лондон: Macmillan Publishers.

REFERENCES

- XVIII Congress of the All-Union Communist Party (b). March 10–21, 1939*. (1939). — М.: Partizdat. (In Russ.)
- Capital Construction in the USSR*. (1961). Statistical Collection. — М.: Gosstatizdat. (In Russ.)
- Eisenstadt L. A., Chikhachev S. A. (1957). *Essays on the history of machine tool industry of the USSR*. — М.: State Scientific and Technical University published. (In Russ.)
- Fedulov V. (1940). On Unfinished Production and the Fight Against Defects // *Planned Economy. (Planovoe hozyajstvo)*. No. 12. Pp. 120–133. (In Russ.)
- Feldman M.A. (2009). Workers in the USSR and Germany by June 1941: Comparative Characteristics // *Russian History. (Rossijskaya istoriya)*. No. 6. Pp. 79–93. (In Russ.)
- Feldman M.A. (2024). Secret Meeting in the Central Committee of the CPSU (6) June 22–23, 1931 — search for a new economic course // *Issues of Economics Theory. (Voprosy teoreticheskoy ekonomiki)* No. 4. Pp. 197–214. (In Russ.)
- Feldman M.A. (2025). On the Phenomenon of the All-Union Conferences of Businessmen in 1931–1936 // *Economic History: Yearbook*. 2024/25. — М.: IRI RAN. Pp. 342–365. (In Russ.)
- History of the Socialist Economy: In 7 vols. Vol. 4. The Completion of the Socialist Transformation of the Economy. The Victory of Socialism in Russia. 1933–1937* (1978). — М.: Nauka. (In Russ.)
- Industrialization of the Soviet Union. New Documents. New Facts. New Approaches*. Part 2. (1999). — М.: IRI RAN. (In Russ.)
- Kasyanenko V.I. (1972). *The Conquest of Economic Independence of the USSR (1917–1940)*. — М.: Politizdat. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V. (2010). *The Owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship*. — М.: ROSSPAN. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V. (2016). *Stalin. The Life of a Leader*. — М.: ROSSPEN. (In Russ.)
- Komkov G. (1974). *Academy of Sciences of the USSR: A brief historical sketch*. — М.: Nauka. (In Russ.)
- Lelchuk V.S. (1975). *Socialist Industrialization of the USSR and Its Coverage in Soviet Historiography*. — М.: Nauka. (In Russ.)
- Marcus B. L. (1939). Key Issues in the Organization of Labor in the Third Five-Year Plan // *Problems of Economics. (Problemy ekonomiki)*. No. 3. Pp. 152–166. (In Russ.)
- Merle S. (2017). The Soviet Economy: Contemporary Assessments // *Economic History: Yearbook*. — М.: IRI RAN Pp. 303–343. (In Russ.)

- Osokina E. A. (2008). *Behind the Facade of Stalin's Abundance. Distribution and the Market in the Supply of the Population during the Years of Industrialization. 1927–1941.* — М.: ROSSPEN. (In Russ.)
- Polyak G. (1940). Balance of Incomes and Expenses of National Economic Organizations // *Planned Economy. (Planovoe hozyajstvo)*. No. 7. Pp. 70–82. (In Russ.)
- Results of the Second Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR.* (1939). — М.: Gosplanizdat. (In Russ.)
- Rosenfeld Ya. S., Klimenko K. I. (1961). *History of Mechanical Engineering in the USSR.* — М.: USSR Academy of Sciences Publishing House. (In Russ.)
- Simonov N. S. (1996). *The Military-Industrial Complex of the USSR in the 1920s–1950s: Economic Growth Rates, Structure, Production Organization, and Management.* — М.: ROSSPEN. (In Russ.)
- Sitkin V., Simkin Z. (1940). Strengthening Ruble Control in Heavy Industry // *Planned Economy. (Planovoe hozyajstvo)*. No. 2. Pp. 21–32. (In Russ.)
- Sukharevsky B. (1940). Mechanical Engineering and the Main Economic Task of the USSR // *Planned Economy. (Planovoe hozyajstvo)*. No. 6. Pp. 12–29. (In Russ.)
- The Great Patriotic War of 1941–1945.* In 12 vols. Vol. 2. *The origin and the beginning of the war.* (2012). — М.: Kuchkovo Pole. (In Russ.)
- The History of the Soviet working class:* in 6 vols. Vol. 2. *The working class is the leading force in building a socialist society. 1921–1937* (1984). — М.: Nauka. (In Russ.)
- The Industrialisation of Soviet Russia.* Vol. 7. *The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939.* (2018). — London: Macmillan Publishers.
- The Second Five-Year Plan for the Development of the USSR National Economy (1933–1937),* In 2 vols. (1934). — М.: Gosplanizdat. (In Russ.)
- The Socialist National Economy of the USSR in 1933–1940* (1963) — Moscow: USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
- The Third Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR (1938–1942).* (1939). — М.: Gosplanizdat. (In Russ.)
- Turetsky Sh. (1940). Some Issues of National Economic Planning. // *Problems of Economics. (Problemy ekonomiki)*. 1940. No. 7. Pp. 65–81. (In Russ.)

Фельдман Михаил Аркадьевич

ORCID: 0000-0001-9825-6650

feldman-mih@yandex.ru

Mikhail Feldman

Doctor of History, Professor, Ural Institute of Management — branch of RANEPА, (Yekaterinburg)

ORCID: 0000-0001-9825-6650

feldman-mih@yandex.ru

THE SECOND FIVE-YEAR PLAN AND ITS IMPLEMENTATION IN 1933–1937: A MULTIFACETED FATE

Abstract. The article is devoted to the assessment of the results of the Second Five-Year Plan for the development of the USSR national economy in 1933–1937. The evolution of ideas about the results of the Second Five-Year Plan is considered. The complexity of understanding this issue is still related to the durability and longevity of the mythological characteristics of the Soviet Industrial Project, the ideologization of achievements, and the concealment of failures. Based on a comparison of published and unpublished data, it was concluded that of the 27 most important types of production, only three (steel, manganese ore, and synthetic rubber) met the five-year targets. The data on the scale of the damage caused by the 1937 repressions to the Soviet economy were systematized. The article analyzes the implementation of the Second Five-Year Plan in terms of quality indicators (the use of cost-accounting relations; increasing the profitability of industry and using cost levers; improving the quality of industrial products; reducing dependence on imported machinery and equipment, etc.). The article reveals the extent and significance of the impact of the All-Union Conferences of Businessmen in 1931, 1934, 1935, and 1936 on the change in the economic policy of the state: The article discusses the development of a relatively balanced economic policy in 1933–1936, which contributed to the achievement of significant positive results and the fulfillment of the main production targets of the Second Five-Year Plan. The directorate of industrial enterprises in the USSR is considered as the main subject of the Soviet Industrial Project. The article makes a well-founded conclusion about the creation of a gigantic industrial potential in the USSR, which is comparable to that of developed capitalist countries in many quantitative indicators.

Keywords: USSR, Second Five-Year Plan, economic policy, five-year plans, industrialization, state administration, socioeconomic transformations, and repressions.

JEL: B24, N44.